

© 1997 г. А.М. МОЛДОВАН

ЛЕКСИЧЕСКИЙ АСПЕКТ В ИСТОРИИ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА

Церковнославянский язык предстает, как известно, уже в древнейших письменных источниках как гетерогенное образование с лингвистически не вполне четкими очертаниями. Даже памятники старославянского "канона" отражают хронологически и территориально неоднородный языковой материал, поскольку они фиксируют, строго говоря, не столько язык переводов Кирилла и Мефодия, сколько результаты его исторического развития в разных землях на протяжении последующих полутора-двух веков. И в дальнейшем эти различия формируют особые разновидности церковнославянского языка, несомненно, осознававшиеся и усваивавшиеся их носителями.

Говоря о локальных и хронологических разновидностях церковнославянского языка, в научной литературе имеют обычно в виду фонетико-орфографические, отчасти морфологические признаки славянских рукописей. Недостаточность этого критерия осознается давно¹, однако дополнить картину лексическим материалом с учетом особенностей лексической семантики и синтаксиса не удастся из-за несоответствия уровня разработанности истории словарного состава (наиболее запущенного, по замечанию Н.С. Трубецкого, раздела языкознания [Trubetzkoy 1925: 287]) порой даже самым простым требованиям лексикологической теории. Попытки игнорировать источниковедческую неготовность лексикологической базы обрекают многие работы по истории литературного языка у восточных славян на априорность и гипотетичность. В то же время восполнить имеющиеся пробелы не так легко, ввиду принципиальных различий в источниках данных, относящихся к разным уровням церковнославянского языка.

В историко-фонетических и морфологических исследованиях материалом служат единичные рукописи – благодаря системности, высокой частотности и ограниченному количеству изучаемых явлений.

Лексические данные не могут быть, подобно фонетическим и грамматическим, непосредственно извлечены из одного списка. В условиях, когда отсутствуют не только автографы произведений, но и ближайшие к ним копии, трудно отделить в списке лексику, относящуюся к архетипу текста, от привнесенной писцом данного списка или проникшей в текст на каком-то промежуточном этапе его переписки или редактирования. Задача осложняется и тем, что лексические единицы в границах списков малочастотны, порой это гапаксы. Нет никакой уверенности даже в том, что встретившееся в списке слово было присуще лексикону писца или, по

¹ Проблема изучения разновидностей церковнославянского языка по-настоящему была поставлена на IV Международном съезде славистов в связи с изданием под эгидой Международной комиссии церковнославянских словарей (при Международном комитете славистов) "единого словаря церковнославянского языка разных изводов" [Отчет IV съезда: 162]. К сожалению, в процессе реализации словарных задач решение этой проблемы уступило место обсуждению внешних критериев отбора текстовых источников и их лексической интерпретации.

крайней мере, было ему знакомо, а не попросту скопировано из рукописи-источника².

Следовательно, хотя список текста и является материальным носителем лексики, сам по себе он еще не может служить лексическим источником. Вследствие этого исторической лексикологии оказываются недоступны важнейшие для ее разработки данные о территориальных характеристиках слов, времени их появления на данной языковой территории и хронологии развития или утраты лексических и синтаксических значений, их нормативном статусе и стилистических особенностях, не говоря уже о датировке их возможного исчезновения из литературного языка. Без этих данных, в свою очередь, не поддается решению ряд основных проблем истории литературного языка. Известно, например, какие трудности испытывает лингвист в важнейшем для истории литературного языка вопросе об определении места, где был переведен на славянский язык тот или иной древний памятник, дошедший до нас в более поздних списках.

Лексическим источником отдельный список становится тогда, когда он может быть осмыслен в качестве звена в рукописной истории текста. Соответственно, полноценную лексическую информацию можно извлечь лишь из таких изданий памятников, которые базируются на текстологическом исследовании всех списков текста, в результате которого в идеальном случае каждое слово, встречающееся в каждом списке памятника, получает хронологическую и географическую "привязку".

Без сведений о текстологических взаимоотношениях списков наблюдения над их лексическими вариантами остаются умозрительными предположениями. В прошлом довольно распространенной была точка зрения, которая объясняла лексические варианты в разных списках одного памятника тем, что писцы заменяли в переписываемом тексте чуждые им слова на более близкие и понятные из родной речи. В. Ягич в своем исследовании по начальной истории церковнославянского языка [Jagić 1913], исходил из того, что значительная часть лексических разночтений древнейших списков Евангелия появилась стихийно в результате их многолетней переписки. И позднее не раз утверждалось, что писцы довольно свободно обращались с переписываемым текстом и, внося в него исправления, по недостаточности знания церковнославянского языка, черпали слова из диалектной речи той местности, где создавался список³.

Накопленный сегодня опыт текстологического анализа разных списков одного текста, с одной стороны, и достижения в области общей теории образования и функционирования литературных языков, – с другой, позволяют иначе взглянуть на эти процессы.

Прежде всего, источником языковых, в том числе лексических инноваций в старом и церковнославянских текстах могли быть только механизмы, адекватные природе литературного языка. В процессе адаптации текста к новым лингвистическим условиям мог использоваться лишь л и т е р а т у р н ы й, а никак не диалектный лексический материал. Нормативное словоупотребление не могло складываться под пером

² Обычная и часто повторяющаяся ошибка – датировка лексических явлений по времени списка памятника. Стремление таким образом установить хронологическую границу в выборе источников, как это сделано, например, при составлении "Словаря древнерусского языка XI–XIV вв." (СДЯ XI–XIV вв.), приводит к искажению реальной языковой картины эпохи. Так, по формальным хронологическим ограничениям в этот словарь не попал богатый материал переводных произведений домонгольской Руси, в том числе таких больших памятников как "История Иудейской войны" Иосифа Флавия и Житие Андрея Юродивого – последний совсем уже по недоразумению, так как древнейший список Жития Андрея Юродивого, на существование которого еще в 1897 г. указывал А. И. Соболевский [Соболевский 1980: 137], относится к концу XIV в., что отвечает критериям выбора источников словаря.

³ Ср., например: "Der Schreiber oder Übersetzer aus mangelhafter Kenntnis der kirchenslavischen Literatursprache sich notgedrungen oder unwillkürlich mehr des eigenen russischen Wortschatzes bediente" [Bräuer 1959: 327]. Особенно охотно это представление пропагандировалось сторонниками материалистической методологии истории с ее склонностью не замечать определяющей роли религии и церкви в средневековой культурной жизни [Кайперт 1991; Keipert 1993].

переписчика путем столкновения "чужих" церковнославянских текстов с местной диалектной речью. Оно представляет собой результат функционирования первоначально заимствованного, но вскоре освоенного культового (и культурного) языка в новых условиях. Лишь то слово или выражение могло быть введено в церковнославянский текст, которое стало нормой в устном и письменном обиходе. Важнейшую роль должна была играть в этом процессе богослужебная и просто религиозная, особенно монастырская речевая практика.

Во-вторых, деятельность книжников редко была произвольной или стихийной. Восстанавливая мотивы и характер этой деятельности, мы могли бы приблизиться к пониманию причин языковых изменений в списках.

Из многочисленных записей и приписок в рукописях известно о лицах, изготавливавших рукописные копии. Их делали чаще всего в монастырях по обету или на заказ старшего духовного или светского лица. Такие писцы занимали обычно невысокое социальное положение, нередко это были специально обученные каллиграфы [Карский 1928: 259–308], их труд так или иначе вознаграждался, чаще всего просто оплачивался⁴. Рядовым писцам вменялось в обязанность точно воспроизводить переписываемый текст, даже если особенности его словоупотребления не совпадали с привычной писцу лексической нормой. Этим обеспечивалась на протяжении веков относительная стабильность текстов в пределах их редакций. Тщательность переписки контролировалась старшими писцами, литературные или лингвистические вольности исключались условиями работы – именно к работе копииста, а не редактора, относятся известные покаянные формулы с просьбами о снисхождении к ошибкам в заключительных приписках к тексту. В то же время исправлять орфографию оригинала, видимо, считалось естественным, во всяком случае, не возбранялось [Дурново 1933; Живов 1984].

При простом тиражировании в книжных копиях могли иногда происходить спонтанные лексические изменения, основанные, главным образом, на неправильном прочтении писцами отдельных слов. Более опытные копиисты позволяли себе делать мелкие конъектуры, исправляя по контексту ошибочные, по их мнению, слова или формы. Например, в предложении из древнерусского перевода Жития Андрея Юродивого: *прочеть ли кси лихую ту доску* (40в) (τόν χαλεπόν ἐκεῖνον πίνακα)⁵ – метонимическое употребление слова *лихын* по отношению к доске (имеется в виду не сама доска, а написанное на ней грозное пророчество), видимо, показалось писцу ошибкой, и он осторожно заменил его на *темную*, поскольку выше об этой доске было сказано: *се доска темна* (39а). Подобные исправления осуществлялись рядовыми писцами обычно без проверки по другим спискам и без обращения к греческому оригиналу, что облегчает выявление их "генеалогических" связей. Так, нетрудно определить, что из двух написаний в списках Жития Андрея Юродивого: *видив же чернын друга свогго осмужена* ('обоженного') *бывша и ... осужена бывша* – аутентичным является первое, так как в греческом тексте – ...τῆν καὶ οὖν 'обгоревшего'.

Спонтанные изменения текста при переписке могли быть даже относительно многочисленными, и они постепенно образовывали извод текста. Но накопление несистематических перемен в тексте не может привести к качественно новому тексту, ибо число собственно лексических субституций при простом копировании всегда крайне мало – оно колеблется около 5% и не превышает 10% от общего числа разнообразных текстовых перестроек [Alekseev 1986: 435].

⁴ Бескорыстный труд переписчика был скорее исключением, на которое обращалось внимание: *списа(х) сѣю кнѣи҃хъ смѣренѣи и мѣншии въ нощѣ(х) ѿромона(х) ввсарѣи(н) ѿ дѣбрьскаго пре(дѣ)ла и за трыды не възе(х) ничесо(ж)* [Карский 1928: 261].

⁵ Цитаты из Жития Андрея Юродивого приводятся по наиболее раннему полному списку древнерусского перевода из РГАДА, Тип. 182, XIV в. Соответствующая этому переводу редакция греческого текста цитируется по рукописи Баварской государственной библиотеки (Мюнхен) Cod. gr. 552, XIV в.

Копиисты более высокой квалификации проверяли чтения оригинала по другим спискам и вносили в него частичные исправления (контролируемая текстологическая традиция), но и в этом случае ими не ставилась цель лексического обновления.

Целенаправленная переработка текста, его редактирование, при котором осуществлялись и лексические замены, было прерогативой значительно более узкого круга лиц, обладавших соответствующим литературным авторитетом, принадлежавших к интеллектуальной элите. При этом характер их критического отношения к языковой стороне текста также не сводился к личным предпочтениям, хотя у каждого автора-редактора, несомненно, был свой индивидуальный стиль. Прежде всего, работа редактора определялась его позицией в вопросах литературного языка, а позднее – актуальной для данного времени проблематикой языковых дискуссий, вращавшихся обычно вокруг sprawy основных литургических текстов – поскольку они служили литературными образцами и задавали ориентиры языковой нормы. Поэтому изучение истории sprawy дает ключ к объяснению эволюции лексики на всех этапах истории церковнославянского языка [Бобрик 1990, там же библиогр.].

Из различных типов или направлений редактирования текста наибольший интерес в лингвистическом отношении представляют стилистические редакции – такие переделки текста, в которых отдельные слова и словосочетания без ущерба для содержания целенаправленно заменялись другими [Лихачев 1962: 120–121; Жуковская 1976: 18]. В отличие от редакций литературных или текстовых, они не связаны с изменением идейных установок произведения, их целью было приведение языка текста путем разнообразных синонимических замен в соответствие с насущными – изменившимися или территориально иными (при перемещении списка) – языковыми нормами.

Результаты стилистического редактирования можно иногда наблюдать в списках непосредственно – его характерными признаками являются маргинальные глоссы, зачеркивания, подчистки и исправления в тексте и т.п. Но его можно реконструировать и текстологическим путем – по совокупности общих лексических вариантов, представленных в отдельных группах списков на фоне аутентичного чтения архетипа.

Необходимость реконструкции рукописной истории каждого памятника в его стилистических редакциях особенно актуальна для раннего периода истории древнерусского литературного языка. Мы очень мало знаем о менявшихся установках и принципах обработки церковнославянского языка на Руси со времени рецепции ею христианской письменности до периода так называемого второго южнославянского влияния. Менее всего доступно изучению, по понятным причинам, первое столетие, когда формировался древнерусский извод церковнославянского языка и в нем складывались восточнославянские особенности, наиболее явно проявляющие себя в орфографии древнерусских рукописей XI в. С учетом лексических норм предшествовавших ему иных территориальных изводов церковнославянского языка вырабатывались древнерусские нормы литературного словоупотребления. О реальности существования в это время в рамках церковнославянского языка восточнославянских лексических норм, отличающихся от южнославянских, говорит, в частности, ряд слов, многократно употребляющихся в разных древнейших восточнославянских текстах XI–XII вв., неизвестных южнославянским источникам – таких, как **божьница**, **керста**, **ларь**, **тиүнъ**, **жьньчугъ**, **шеакъ**, **коверъ**, **лошадь**, **горшокъ**, **прнрѣзь** и др.

Подобные слова могли в это время использоваться не только при порождении текстов, т.е. при их сочинении или переводе с другого языка, но и в древнерусских компиляциях из материала южнославянских текстов, поскольку средневековый писатель, как известно, не делал различия между сочинительством и переделкой чужих текстов. Однако они не вводились писцами при копировании и южнославянских книг. Об этом достаточно красноречиво свидетельствуют не только древнерусские списки Евангелия, Апокалипсиса, Псалтыри и других богослужебных книг, но и такие древнерусские рукописи, как Изборник Святослава 1073 г., Пандекты Антиоха, Слова Григория Богослова, Огласительные поучения Кирилла Иерусалимского, Синайский

патерик и т.п., в которых, несмотря на несравненно большую, чем при переписке книг Священного Писания, свободу, нет ни одного лексического "русизма", хотя их фонетико-орфографический облик и морфологические особенности русифицированы, порой весьма сильно. Этот факт почему-то не учитывается теми, кто утверждает, что древнерусские писцы не занимались переводами, а брали готовые болгарские переводы и заменяли в них незнакомые или малознакомые слова более близкими им [Thomson 1993 и др.]. Не входя здесь в разбор всей привлекаемой сторонниками такой точки зрения аргументации (см. [Алексеев 1996]), остановимся лишь на ее лексической части. Она сводится к нескольким примерам из тех статей Изборника 1076 г., которые восходят к южнославянским переводным текстам. Речь идет, прежде всего, о небольшой статье "Слово о милостивом Созомене" в заключительной части Изборника 1076 г. (л. 269–275об), источником для которой послужил восточноболгарский перевод Жития Нифонта Констанцкого, и, во-вторых, – о цитатах из "Премудрости Исуса, сына Сирахова" (л. 106, 9; 151, 8, 9; 169, 11 и др.).

Сравнение текста "Слова о милостивом Созомене" с соответствующим местом Жития Нифонта [Ристенко 1928: 239–383] обнаруживает в тексте Изборника немало пропусков и мелких вставок, а также композиционно-стилистических изменений, особенно при описании рая, а последний лист статьи вообще не имеет параллели в Житии [Дубровина 1963]. Анализ расхождений этих текстов приводит к выводу о принципиальном различии их идейных задач. Характер работы древнерусского автора "Слова о милостивом Созомене" над текстом Жития Нифонта Ж. Леписье назвал лаицизацией, т.е. "омирщением" [Lepissier 1966], а И. Шевченко киевизацией исходного текста [Ševčenko 1966; Мещерский 1973]. Даже в совпадающих фрагментах нетрудно заметить расхождения в употреблении грамматических форм и лексики, сопровождающиеся синтаксическими перестройками. Ср., в частности:

Житие Нифонта

"Слово о милостивом Созомене"

и видѣ нны сады нже вѣхуѣ ѿ
горы до долуѣ обрасли плоды
добровоньными. инно много
садовикъ имѣѣа плоды красны. и
вѣник до землиа преклоньсѣ (л. 62
об)

и видѣхъ же нны ограды: гаже
вѣхуѣ обрасли отъ горы до
долуѣ. плоды добровоньными
инно и красьными. и вѣтвѣк
прѣклонилосѣ вѣ до землиа (л.
269 об 11–270, 4)

и се изидоша ис полатѣ тѣхъ
моужн свѣтѣщесѣ тако слѣнце
крилати. а носѣще ковчежьцѣ
златы четыри. по четырьмъ на
кындю ковчежьцѣ слоужѣще (л.
63–63 об)

и се изидоша ис полатѣ тѣхъ
моужн крилати. свѣтѣ<ш>тесѣ
такъ и слѣнце. носѣще ларѣ ѡ.
ри. о кокмьждо лари
слоужѣште ѡ. (л. 271, 6–11)

Совершенно очевидно, что "Слово о милостивом Созомене" – это не список и даже не редакция Жития Нифонта, а другое произведение с другими жанровыми задачами и потому другим заглавием. И создано оно было не писцом-копиистом, а профессиональным писателем, владевшим стилистическими средствами церковнославянского языка. Поэтому как лексические сходства, так и различия этих текстов, типа *градыи – идыи, садъ – оградъ, вѣик – вѣтвнк, ковчежець – ларь, спѣюще – идоуште, квръ – гй*, – лежат в разных текстологических плоскостях, нет оснований выводить их из корреляции территориальных вариантов церковнославянского. Особенно показательна в этом отношении замена слова *каженикъ* в Житии Нифонта, в принципе нормального для древнерусского словоупотребления (СДЯ XI–XIV вв., 4: 185), на отвлеченное *оуноша краснь зѣло* в "Слове о милостивом Созомене". Эти и другие замененные слова были в ходу у древнерусских книжников, и для восточнославянской аудитории они не представляли каких-либо семантических затруднений, о чем красноречиво свидетельствует, помимо других текстов, рукописная традиция самого Жития Нифонта: его древнерусские списки последовательно удерживают все эти слова.

Сказанное относится и к цитатам из "Премудрости Исуса, сына Сирахова", где, как отметил еще А.Х. Востоков, слово *вино*, которому в оригинале соответствует греч. *οἶνος*, регулярно заменяется в Изборнике словом *медъ* [Востоков 1858, 1: 210; Мещерский 1976]. Этот напиток, возможно, и был более близок жителям Киевской Руси, однако и вино было им хорошо известно, причем не только в церковном употреблении [СДЯ XI–XIV вв. 1: 429; СлРЯ XI–XVII вв., 2: 182–183]. Кстати, в самом Изборнике 1076 г. слово *вино* употребляется восемь раз. Значит причина замены слова *вино* на *медъ* не в языковой норме, а в иной содержательной направленности данного текста – в общей, достаточно нетипичной ориентации автора этих статей Изборника на светского читателя.

Таким образом, материал Изборника не подтверждает версию о существовании в Древней Руси практики сугубо языковой адаптации (вне текстуальной переделки) южнославянских переводов⁶. Наоборот, лексическая устойчивость южнославянских переводов в древнерусских списках указывает на отсутствие такой практики⁷.

Поэтому если списки того или иного переводного памятника, не подвергавшегося редактированию (что видно при сравнении его с греческим оригиналом), содержат синтаксически и лексически тождественный текст с некоторым количеством лексических русизмов, то эти русизмы должны быть с высокой степенью уверенности ассоциированы с архетипом перевода и, следовательно, с ними нельзя не считаться при определении его происхождения.

Во второй половине XI в., в связи с введением на Руси Студийско-Алексеевского Устава (Типикона), существенно расширился круг текстов, предназначенных для богослужения в его различных формах. По просьбе Феодосия Печерского, в Константинополе была изготовлена копия Типикона, а также подготовлен целый комплекс греческих богослужебных книг, необходимых для совершения богослужения по

⁶ Показательно, что практически не содержат лексических замен те статьи Изборника 1076 г., которые были переписаны в него из других рукописных книг без текстуального редактирования, как, например, *Афанасиеви отвѣти*, статья *Нила чрьноризца* и др. [Абрамович 1929: 64–74].

⁷ Ср. методологически важное замечание А.А. Алексеева: "Для восточнославянских книжников на всем протяжении восточнославянской письменности было характерно стремление использовать южнославянские лингвистические формы как основу письменно-литературной нормы, отступления носили вынужденный характер. К восточнославянским формам *не стремились*, их *терпели* за невозможностью подобрать соответствующую южнославянскую форму" [Алексеев 1996: 288].

новому уставу. В состав этого комплекса входили не только служебные Евангелие и Апостол, Паремийник, Псалтырь, но и Служебные минеи, Триоди Постная и Цветная, Октоих изборный и Параклитик, Ирмологий, Часослов, Служебник, певческие сборники (Октоих певческий и Кондакарь), а также ряд четких сборников, необходимых для развитой системы уставных чтений [Момина 1992: 208; Пентковский 1996: 20–25]. На основе этих греческих книг в Киеве была проведена справа, в ходе которой были отредактированы имевшиеся тексты и дополнительно переведены новые. В лингвистическом отношении это означало расширение сферы применения церковнославянской нормы за счет текстов, чье стилистическое разнообразие в условиях относительной автономности от богослужебной практики не находило стандартных южнославянских образцов. Вовлечение таких текстов в сферу устного использования (богослужение, коллективное монастырское чтение и др.), повышало их статус в книжной иерархии, в связи с этим требовалась соответствующая правка их языка, нацеленная на освобождение от неподобающих их новому статусу элементов.

Лингвистические принципы, которыми руководствовались древнерусские редакторы в XII–XIII вв., могут быть воссозданы по общим чертам относящихся к этой эпохе стилистических редакций разных текстов.

Например, одна из древнейших редакций Жития Андрея Юродивого была подготовлена в связи с созданием древнерусского Пролога [Сергий 1898: 393–425]. Это редактирование, направленное прежде всего на сокращение и переделку оригинального текста в соответствии с требованиями проложного жанра, распространялось и на язык памятника. В семи статьях из Жития Андрея Юродивого, размещенных в первой редакции Пролога под разными числами октября, наблюдаются следующие лексические замены: дѣмонъ – дигаволъ, дѣмоньскыи – дыгавольскыи, блискающисѧ – блистающисѧ, бѣшенъ – нѣстовъ, боль – недоужьнын, оүснүти – оүспѣти, дѣла – ради, восхыщати – похытати, образъ – лице, исповѣдати ‘рассказывать’ – повѣдати и др.

Сходную нормативную оценку некоторых слов, принадлежащих этому переводу Жития, обнаруживает автор древнерусской редакции Б⁸, текстологически не связанной с Проложной редакцией. Она возникла приблизительно в то же время, что и Проложная редакция, т.е. около начала XII в. Редакция Б представлена значительным количеством списков, что свидетельствует о ее распространенности в прошлом. В отличие от Проложной редакции, она мало изменила собственно текст книги, однако лексика в ней подверглась существенному пересмотру: лексико-словообразовательными заменами в редакции Б охвачено несколько сот словоупотреблений. Приведем некоторые из этих замен, указывая на первом месте аутентичные чтения древнерусского перевода Жития Андрея Юродивого, а на втором – замены на уровне архетипа редакции Б:

⁸ См. [Молдован 1993] На древнерусское происхождение этой редакции указывает, с одной стороны, ряд оставленных без замен характерных древнерусских лексем, таких, как близокъ ‘родственник, свойственник’, верста ‘мера длины’, горшокъ, грѹнь, грѹница, женьюгъ, жирава, ковѣръ, лошадь, масникъ, охрита, почемоу (ѡпер тѣ), ширѣтисѧ и др., а с другой – замены, в которых в свою очередь используется восточнославянская лексика: ватогъ – пѹга ‘кнут, палка’ [Фасмер, III: 399], секира – сокира [Фасмер, III: 592], прнрѣзъ ‘рост, процент’ – рѣзъ [Фасмер, III: 461], довѣпрашатисѧ – допрашатисѧ, прити въ сѧ – поманоутисѧ, налапати ‘наговорить грубостей’ – наказати, почити – ѡпочиноути и др.

дѣла — ради, молвити — глаголати, лѣковати — врачевати, лѣчыць — врачь, похабѣть — оуродѣть, днѹ — внѹтрь, дроу҃гонци — иногда (passim), мимоходн — мимоходящѣн, приладнло — оуподобнло, доу҃хъ — вѣтрѣъ, вѣрѣти(сѣ) — вѣриноу҃ти(сѣ), блискатисѣ — вльщатисѣ, говѣние — постѣъ, да 'и' — и (passim), ран — оградѣъ, обѣхати — обонати, оустроеноу҃ — оукрашеноу҃, окѣсити — въкѣсити, безагапѣнѣъ — вънезапѣнѣнѣн, (при)годитисѣ — (при)ключитисѣ, порты — ризы, вѣдалѣъ — далѣъ, дѣлаше — твораше, задн — сѣзادن, показнѣъ — казнѣъ, мотыла — калѣъ (тж. смрадѣъ), одрѣъ — ложе, вепрь — свиннѣа, боженка — церквнѣа, предити — варити, скранѣъ — ланнѣа, сѹжизницѣа — сѣноу҃зницѣа, говьно — калѣъ (passim), грнчѣъ — песѣъ, сѣа — моча, нщезе — ѿнде, скалѹшь — калѣъ, трѣбѣъ — потрѣба, задосити — застатѣн, керста — рака, божьничьнѣнѣн — церковнѣнѣн.

Так же, как в Проложной редакции, слово дѣла последовательно заменено здесь на ради, оу҃снѣти 'умереть' — на оу҃спѣти, блискатисѣ в Проложной редакции заменено на блистатисѣ, а в редакции Б — на вльщатисѣ; дѣмонѣъ в Проложной редакции заменено на днѣволѣъ, а в редакции Б — на сотона и вѣсѣъ и т.д.

Каждая из этих замен имеет свою подоплеку. Одни слова в XII в. осознавались древнерусским редактором как региональные, другие — как устаревшие, просторечные или редкие, некоторые утрачивали свои древние значения, изменяли синтаксические свойства или стилистические характеристики и т.д. И в этом особенность лексической системы, где каждое слово имеет свою историю. Например, почти повсеместная замена в этой редакции дѣла на ради свидетельствует лишь о вытеснении, но не исключении более привычного восточнославянским книжникам дѣла [Колесов 1977: 30] из церковнославянского обихода. Исправления дѣла на ради встречаются во многих других древнерусских рукописях, тогда как обратные исправления практически не встречаются. Вместе с тем ради и в X–XI вв. значительно преобладало, по данным старославянских памятников, над дѣла [Цейтлин 1977: 49], и впоследствии ради было значительно более предпочтительно. С другой стороны, предлог/послелог дѣла употреблялся в древнерусской письменности на протяжении всей ее истории [СлРЯ XI–XVII вв., 4: 211–212], участвовал в образовании новых слов (богадѣльнѣн, богадѣльна, -нѣа и др., засвидетельствованных только в русских памятниках [Срезневский, I: 125; СлРЯ XI–XVII вв., 1: 256]) и сохранился в современном русском для [Фасмер, I: 517].

Другие замены отражают, так сказать, необратимые тенденции в истории слов. Например, замена слова грнчѣъ кѹшн на песѣъ свидетельствует о том, что древнее восточно- или севернославянское слово грнчѣъ [Трубачев 1957: 41–42; Трубачев 1960:

27; Machek 1968: 152; ЭССЯ, 7: 129⁹) в XII в. уже не воспринималось как приемлемое в церковнославянском тексте, хотя его значение еще было известно. В XV в. стало забываться и само слово: некоторые писцы Жития Андрея Юродивого считали его опиской и исправляли на *грѣшникъ* или *игрѣць*.

Подобным образом регулярная замена в древнерусской редакции В Жития Андрея Юродивого слова *боголишь* 'дурак, ἄηχος' (писалось обычно сокращенно: *вѣлишь*) на *волиши* говорит о том, что слово *боголишь* писцу XIV–XV вв. также было не знакомо.

Замена в редакции Б этого жития слова *одръ* в значении 'ложе, постель, кровать' на *ложе* (в предложении ... *въставъ одра свогго да сѧ помолить*, тѣс κλίνες) указывает на начавшееся около XII в. семантическое расхождение этих слов. В древнейших списках Евангелия они еще свободно перемежаются в тех контекстах, где речь идет о постели, кровати [Jagić 1913: 359], но присущие слову *одръ* другие значения – 'погребальные носилки', 'средство для пытки' и т.п. (Остр. ев., Хрон. Г. Амарт. и др.) [СлРЯ XI–XVII вв., 12: 294] – приводили к развитию у его значения 'постель, ложе' преимущественно отрицательных коннотаций, связанных с болезнью и смертью [ср. русск. *на (смертном) одре лежать* 'находиться в тяжелом состоянии, умирать'] в противоположность слову *ложе*, которое в качестве континуанта и.е. **loghio-m* сохранило комплекс его "положительных" значений: 'связанное с лежанием, ложем, родами, родовое, родильное' [ЭССЯ, 16: 124–125]. Показательно, что без замены оставлено в редакции Б слово *одръ* в значении 'погребальные носилки' (*великъ же смрадъ нсхожаше нзо одра того* (23в) ἐκ τῆς κλίνης 64r).

Совокупность подобных лексико-словообразовательных замен показывает, что сутью изменений в лексической системе церковнославянского языка XII в. по отношению к XI в. была в различных славянских странах универсализация его лексических норм. Начиная с этого времени в стилистических редакциях различных текстов наблюдается тенденция к исключению посредством синонимических замен слов региональных, устаревших, экспрессивных и т.п. и стремление избежать всякой конкретности, как бы сузить лексическую палитру до наиболее общих и стандартных церковнославянских слов и словообразовательных моделей (ср. замены *голѣмо* – *много*, *видокъ* – *свѣдѣтель*, *днѹ* – *внѹтърь*, *женка* – *жена*, *козичина* – *одежа*, *вепрь* – *свинна*, *плашитисѧ* – *оустрашитисѧ*, *молвѣти* – *глаголати* и *повѣдати* – *глаголати* и т.п. [Молдован 1994]. Яркий пример такой направленности представлен в редакции Б Жития Андрея Юродивого, где вместо четырех различных слов *мотыла*, *калъ*, *говьно* и *скалѹшь* и их производных редактор оставил лишь одно слово *калъ* и производные от него.

Эти тенденции можно наблюдать в различных стилистических редакциях XII–XIII вв. Например, в древнейшей сокращенной редакции "Слова о законе и благодати" Илариона, относящейся к концу XI – нач. XII в., были заменены слова: *сщѣше* – *всщѣше*, *попове* – *пресвитери*, *бл҃годарѣ* – *бл҃годареніе* *въселнѧ* – *въниде*, *възнѧсѧ* – *възлюбѧ*, *сѣмыслѣ* – *помыслѣ*, *годѣ* – *оугоденѣ*, *бл҃гоизволеніе* – *бл҃говоление*, *проженетѣ* – *отженетѣ*, *прѣсѣхлѣ* – *прѣиссохши* и др. [Молдован 1982].

Аналогичный вывод был сделан Э. Благовой по результатам сопоставления лексики нескольких гомилий Иоанна Златоуста, представленных в одном и том же переводе в Супрасльской рукописи XI в. и в Успенском сборнике XII в. Анализируя немногочисленные замены в Усп. (*вѣтъ* – *свѣтъ*, *крѣмкникъ* – *крѣрѣмникъ*, *неразоумничьныи* – *неразоумьныи*, *сѣзрьно* – *зрьно*, *сѣсъ* – *сѣсъць*, *цѣ* (союз) –

⁹ Ср. также укр. бранн. *гриць твоїй мамі!* В указанных работах для чеш. диал. (моравск.) *gryc*, *gric*, кажется, не вполне точно указывается значение 'чучело, пугало'. Можно полагать, что этим словом обозначалось не всякое пугало, а чучело с собачьей головой (карнавалый персонаж).

а, чѣдолюбъ – чѣдолюбивъ, велии – великъ, правдивыи – правдѣныи и др.), Э. Благова отмечает: "Единственным стремлением писца Усп. было устранение малоупотребительных слов и способов словообразования и замена их общеупотребительными" [Благова 1966: 86].

Связь стилистических редакций с потребностями их устного использования не нуждается в конкретном обосновании, хотя соответствующие доказательства могут быть найдены. Например, отличительной особенностью редакции В Жития Андрея Юродивого является наличие множества морализаторских вставок – от небольших замечаний до пространных гомилий редактора на то или иное место в тексте. Предназначенность этой редакции для устного чтения явствует из риторического и молитвенного характера этих вставок и построения изложения от 1-го лица ед. и мн. числа, выраженного в соответствующих формах местоимений (ср. велии еси г҃и и чюдна с҃҃҃҃гъ дѣла твоя и ни едино словъ оумѧ нашего довѣлно на похвалѣе чюдесѣ твоихъ, ꙗко же ты г҃и ꙗвилъ еси нам сего оугодника...; хѣ црю, ꙗви нам сего ст҃го мужа... таинное житіе и т.п.) и постоянных обращений к аудитории (вратіе). Весьма показательно в этом отношении, что к словам заоутра же приде ко .мнѣ недостойному редактор приписал: Никиѡроу (т.е. известному автору Жития Андрея Юродивого) – что имело смысл лишь при устном прочтении.

О предназначенности тех или иных текстов для богослужебного использования свидетельствуют календарные ремарки в рукописях, указывающие на день, к которому приурочено данное чтение, иногда после заглавия такого текста приписаны молитвенные слова господи, благослови, отче (позднее – просто благослови, отче). Эти слова, встречающиеся и в греческих четьих книгах в виде приписки (ὁ δέσποτα) εὐλόγου пѣтер и нередко принимаемые издателями за моление к Богу, на самом деле воспроизводят формулу обращения к игумену за благословлением перед чтением, принятую в монастырской практике¹⁰.

В этот период, предшествовавший эпохе второго южнославянского влияния, работа по универсализации церковнославянского языка в произведениях различных жанров проходила на Руси без сколько-нибудь известных импульсов извне, поэтому в итоге этой работы, как и в ее начале, церковнославянский язык в его древнерусской разновидности продолжал отличаться от его южнославянских разновидностей. Можно полагать, что при расширении круга источников некоторые из лексических замен, повторяющихся в определенных комбинациях в стилистических редакциях разных памятников, удастся отождествить с более дробными региональными разно-

¹⁰ В более позднее время указанная формула в рукописях изредка варьируется. с конкретизацией просьбы: бл(ѣ)ви прочети, шче ст҃ѣи (БАН Литвы. ф. 19. № 329. XVI в., л. 238). блгослови, шче, прмчести (РГБ, ф. 218, № 1144. XVII в., л. 90). г(ѣ)ди, блг(ѣ)ви, ш, прочитати (БАН. 13.21.1. XVII в., л. 333б). А.А. Турилов обратил наше внимание на сохранившуюся в рукописи ГИМ. Увар. 589 (= Царск. 361. Сборник. 1°. 2-я пол. XVI в.) после заглавия "Слова на събор святых отецъ... и похвала отцем святого Никейского събора" Кирилла Туровского уникальную запись ритуального монастырского диалога перед началом чтения (л. 275): господи, благослови, отче .мафананле. [Ответ:] богъ ти, чѣдо, блгослови и ст҃ѣи григорин чюдотворецъ (имеется в виду святой патрон монастыря). Монашеский обычай обращаться, приступая к какому-либо делу, к игумену или старшему из братии за благословлением был усвоен на Руси с начальных времен Печерского монастыря. ср. рассказ Феодосия Печерского князю Изяславу: кгда во вратни .манастыра сего. хотѣемъ варити или хлѣбы печи. или коюю ннѣ слоужьбѣю творити. тѣгда же първою шѣдъ кдинъ ш нихъ. вѣзьметъ блгословеніе отъ игоумена. таче по снхъ поклонитъ сѧ прѣдъ ст҃ѣимъ шлѣтарьмъ три крѣты до земаи. ти тако свѣщю вѣжьжеть ш сѣаго олѣтара. и ш того огонь вѣзгнѣтитъ. и кгда паки водоу вѣлнѣва вѣ котѣль глеть старѣишннѣ. блг(с)ви шче. и ономоу рекоущю бѣ да блгословитъ тѧ брате. и тако всѧ слѣужьба нхъ сѧ блгословенннѣмъ свѣрьшактъ сѧ [Усп. сб. XII–XIII вв.: 106–107]. В этом рассказе довольно близко к тексту воспроизводится один из разделов дисциплинарной части Студийско-Алексеевского Типикона, которым руководствовались в то время печерские монахи [Лисицын 1911: 173–174; Пентковский 1996: 25–26].

видностями церковнославянского (например, киевской и новгородской) в границах Древней Руси.

Практически не востребовались в русских редакциях текстов такие характерные для южнославянской разновидности церковнославянского слова, как, например, **бѣшню** 'совершенно, совсем', **попърище** или **дозорикъ** в значении 'мера длины, *otádiov*' (ср. др.-русск. **вьрста**), **ктеръ** 'некий', **свѣнѣ** 'извне', **шплавовати (сѧ)** 'тщеславиться, гордиться', **покова** 'с тех пор как', **ковѣкаль** 'крючок', **зѣльць** 'злодей', **ласкрѣдство** 'чревоугоде', **кошница** 'короб, корзина', выражение **въ сѣщекъ вѣѣма** 'в то же время' и многие другие.

Особенности древнерусской лексической нормы в этот период, ее отличие от, например, болгарской и одновременно сходство с ней могут быть изучены по редакциям русских текстов в Болгарии. Так, в болгарском списке фрагмента древнерусского перевода Жития Андрея Юродивого (рассказ о сребролюбивом монахе), датированном 20-ми гг. XIV в. (РГБ, ф. 236, собр. А.Н. Попова, № 93.2), проведена лексическая правка, отчасти совпадающая по результатам с древнерусскими редакциями этого периода (указываем на первом месте чтения архетипа древнерусского перевода, на втором – замены в болгарском списке: **чернець** – **чръноризецъ** (11 раз), **черньчъ** – **чръноризецъскы**, **правѣ** – **истиненъ**, **повѣженъ** – **шдолѣнь**, **корнавѣ** – **скровище**, **лагодити** 'угождать' – **любити**, **хода** – **прѣхаждажъ**, **втораѧ** – **дрюѣгаѧ**, **помиаѣи** – **прости**, **дѣкѣ** – **творитѣ**, **незлюбивѣ** – **безлюбивѣ**, **милости** – **мл(ѣ)тнини**, **тѣжа** – **прѣ** (2 раза), **кляками** – **клеветамъ**, **отан** – **тан** (2 раза). **ци** – **кѧ** (2 раза). **ци** – **или** (2 раза), **лыскаремъ** – **мотикую**, **въсплашнвсѧ** – **възбѣавсѧ**, **звати** 'воскличать' – **гѣати**, **непріязни** – **сѣтонѣ**, **сѣць** – **сѣын**, **образъ** – **подобникъ**, **дѣѧ** – **творѧ**, **задница** 'наследство' – **наслѣдикъ**, **годна** – **потрѣбна**, **власть** – **область** (2 раза), **оулыскавсѧ** – **скабавсѧ**.

О том, что эти замены не произвольны и не случайны, а отражают различие лексических норм, сложившееся к началу XIV в. между древнерусской и среднеболгарской разновидностью церковнославянского языка, говорит их последовательный характер при двух и более употреблении слова. Особенно показательно в этом отношении слово **чръноризецъ**, выступающее на месте аутентичного **чернець** во всех 11 случаях его употребления в этом рассказе. В то же время, как и в русских редакциях, здесь доминирует установка не на "провинциализацию" текста, а на выбор более стандартных церковнославянских слов, чем в используемом источнике. Любопытно в связи с этим отметить, что болгарский редактор оставил в тексте некоторое количество фонетико-орфографических "русизмов": **побежени** (11г), **брежеть** (12а), **небрѣженик** (12в).

Лексике следующего периода, содержание которого определялось вторым южнославянским влиянием, посвящено немало исследований. Однако при недостаточном внимании к рукописной истории текстов она остается неизученной со стороны функционирования, и это существенно снижает ценность формальных описаний. Понимание процессов, происходивших в этот период в области лексики, невозможно без рассмотрения древнерусских копий новых южнославянских текстов в сопоставлении с современными им русскими оригинальными сочинениями и стилистическими редакциями XIV–XVI вв. С одной стороны, лексика новых южнославянских переводов на Руси воспринималась как авторитетная и при переписке сохранялась без изменений. Например, сопоставление русских списков сербского перевода Жития Андрея Юродивого¹¹ с сербскими и болгарскими списками этого перевода показывает, что в русских списках практически отсутствуют лексические замены. Последовательно удерживаются даже такие слова, не свойственные русской разновидности церковно-

¹¹ Этот перевод появился не позднее XIV в., от него сохранилось девять списков XIV–XVI вв..

славянского языка, как **бодове** 'шипы' (ср. в др.-русс. переводе **остны**), **пипаа** 'ощупывая' (в др.-русс. **пытаа**), **къснѣти** 'раскалаться', **напрѣко** 'напрямик' (в др.-русс. **на пространѣ**), союз **нѹ** 'но' (passim), **петнѹти** 'пнуть' (в др.-русс. **ѹдаривѣ**), **слѣмикъ** 'куница' (в др.-русс. **кѹны**), **рѣвеннкъ** (в др.-русс. **(ко) кладазю**), **свѣбщати** (в др.-русс. **помахѹ**), **запоржченіа** (в др.-русс. **заповѣди**) и др. С другой стороны, при редактировании или создании русских оригинальных произведений эти слова ни в данный период, ни позднее не встречаются, и, значит, нет оснований говорить об их заимствовании.

Таким образом, в условиях, когда отсутствуют оригиналы древнейших письменных памятников, церковнославянская лексика может быть изучена путем реконструкции и исследования их стилистических редакций. История литературного языка получает тем самым естественную опору в рукописной истории письменных памятников.

Чем значительнее объем памятника и чем большим количеством списков он представлен, тем надежнее реконструируется история его текста и тем большие возможности представляет он для изучения лексических процессов. Широкое распространение памятника в списках отражает, кроме того, высокий уровень взаимодействия его языка с актуальной церковнославянской лексической нормой, что существенно для адекватного представления о нормативном значении тех или иных явлений. Удобно именно с таких памятников начинать накопление сведений по исторической лексикологии церковнославянского языка, имея в виду перспективу их использования для изучения остальных источников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамович Д.І.* 1929 – До питання про джерела Ізборника Святослава 1076 року // Науковий збірник Ленінградського товариства дослідників української історії, письменства та мови. Вип. II. Київ, 1929.
- Алексеев А.А.* 1996 – Кое-что о переводах в Древней Руси (по поводу статьи Фр.Дж. Томсона "Made in Russia") // ТОДРЛ. Т. 49.
- Благова Э.* 1966 – Гомилии Супрасльского и Успенского сборников // Исследования источников по истории русского языка и письменности. М., 1966.
- Бобрин М.А.* 1990 – Представления о правильности текста и языка в истории книжной sprawy в России (от XI – до XVIII в.) // ВЯ. 1990. № 4.
- Востоков А.Х.* 1858 – Словарь церковнославянского языка. Т. 1. СПб., 1858.
- Дубровина В.Ф.* 1963 – О греческих параллелях к Изборнику 1076 года // ИАН СЛЯ. 1963. № 2.
- Дурново Н.Н.* 1933 – Славянское правописание XI–XII вв. // Slavica. № 12.
- Живов В.М.* 1984 – Правила и произношение в русском церковнославянском правописании XI–XIII вв. // RЛing. 1984. № 3.
- Жуковская Л.П.* 1976 – Текстология и язык древнейших славянских памятников. М., 1976.
- Кайперт Г.* 1991 – Крещение Руси и история русского литературного языка // ВЯ. 1991. № 5.
- Карский Е.Ф.* 1928 – Славянская кирилловская палеография. Л., 1928.
- Колесов В.В.* 1977 – **Дѣла – ради** в древнерусском литературном языке // Русская историческая лексикология и лексикография. Вип. 2. Л., 1977.
- Лисицын М.*, прот. 1911 – Первоначальный славяно-русский Типикон. Историко-литургическое исследование. СПб., 1911.
- Лихачев Д.С.* 1962 – Текстология. На материале русской литературы X–XVII вв. М.; Л., 1962.
- Мецкерский Н.А.* 1973 – К вопросу об источниках "Изборника 1076 г." // ТОДРЛ. Т. 27. Л., 1973.
- Мецкерский Н.А.* 1976 – О некоторых источниках "Изборника 1076 г." в связи с вопросом о происхождении их переводов // Культурное наследие Древней Руси. Истоки. Становление. Традиции. М., 1976.
- Молдован А.М.* 1982 – "Слово о законе и благодати" (Сопоставление списков) // История русского языка. Исследования и тексты. М., 1982.
- Молдован А.М.* 1993 – Рукописная традиция "Жития Андрея Юродивого" // Wiener Slavistisches Jahrbuch. 1993. Bd. 39.
- Молдован А.М.* 1994 – Критерии локализации древнерусских переводов // Славяноведение. 1994. № 2.
- Момина М.А.* 1992 – Проблема правки славянских богослужебных гимнографических книг на Руси в XI столетии // ТОДРЛ. Т. 45. СПб., 1992.
- Отчет IV съезда – Отчет IV Международного съезда славистов. М., 1960.

- Пентковский А.М. 1996 – Древнерусская версия Типикона патриарха Алексея Студита: ГИМ, Син. 330 (Из истории литургической традиции Русской Церкви в XI–XIV вв.). Excerpta ex dissertatione ad Doctoratum. Romae, 1996.
- Ристенко А.В. 1928 – Матеріали з історії візантійсько-слов'янської літератури та мови. Одеса, 1928.
- СДЯ XI–XIV вв. – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 1–4. – М., 1988–1991–.
- Сергий, архиеп. Владимирский 1898 – Святой Андрей Христа ради юродивый и праздник Покрова Пресвятой Богородицы // Странник. Вып. 9–12. СПб., 1898.
- СлРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–21. – М., 1975–1995–.
- Соболевский А.И. 1980 – История русского литературного языка / Изд. подгот. А.А. Алексеев. Л., 1980.
- Срезневский И.И. – Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I–III. СПб., 1893–1912–.
- Трубачев О.Н. 1957 – Славянские этимологии. 1–7 // Вопросы славянского языкознания. Вып. 2, 1957.
- Трубачев О.Н. 1960 – Происхождение названий домашних животных в славянских языках. М., 1960.
- Усп. сб. XII–XIII вв. – Успенский сборник XII–XIII вв. / Изд. подгот. О.А. Князевская, В.Г. Демьянов. М.В. Ляпон. Под ред. С.И. Коткова. М., 1971.
- Фасмер М. – Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV, М., 1986.
- Цейтлин Р.М. 1977 – Лексика старославянского языка. М., 1977.
- ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 1–22–. М., 1974–1995–.
- Alekseev A.A. 1986 – Der Stellenwert der Textologie bei der Erforschung Altkirchenslavischer Übersetzungstexte // Die Welt der Slaven. Jg. XXXI, № 2. München, 1986.
- Bräuer H. 1959 – Zur Frage der altrussischen Übersetzungsliteratur (Der Wert syntaktischer Beobachtungen für die Bestimmung der altrussischen Übersetzungsliteratur) // ZSlPh, Bd. 27. Hf. 2. Heidelberg, 1959.
- Jagić V. 1913 – Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache. Neue berichtigte und erweiterte Ausgabe von V. Jagić. Berlin, 1913.
- Keipert H. 1993 – Die Christianisierung der Kiever Rus' als lexikologisches Problem // Millennium Russiae Christianae. 988–1988. Köln, Weimar, Wien, 1993.
- Lepissier J. 1966 – Une source de l'Isbornik de 1076 // RESI. T. 45.
- Machek V. 1968 – Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1968.
- Ševčenko I. 1966 – On some Sources of Prinses Svjatoslavs Isbornik of the Year 1076 // Orbis Scriptus D. Tshiževskij zum 70. Geburtstag. München, 1966.
- Thomson F. 1993 – "Made in Russia". A survey of the translation allegedly made in Kievan Russia // Millennium Russiae Christianae. 988–1988. Vorträge des Symposiums anlässlich der Tausendjahrfeier der Christianisierung Rußlands in Münster vom 5. bis 9. Juli 1988. Köln; Weimar; Wien, 1993.
- Trubetzkoy N.S. 1925 – Einiges über die russische Lautentwicklung und die Auflösung der gemeinrussischen Spracheinheit // ZSlPh. Bd. 1. 1925.